

Глава 21. Ветер в башне предвещает бурю в горах

Наследный принц слегка прищурился, его пронзительный взгляд на мгновение замер, после чего он коротким жестом велел продолжать.

Почувствовав, как тяжесть на сердце немного отступила, Жун Цунцзинь не позволил себе расслабиться. Сохраняя внешнее спокойствие, он заговорил ровным, размеренным голосом:

— Военный комиссар Хойчжоу — выходец из семьи Дстойной наложницы Сянь. На самой вершине горы Хойшань он воздвиг для Его Величества величественный даосский храм, наречённый Яогуан. Говорят, оттуда можно рукой дотянуться до звёзд и искупаться в лучах утренней зари, а внизу проплывают облака и радуги...

Жун Цунцзинь сделал паузу, и в его голосе проскользнула холодная сталь:

— Чтобы прорубить дорогу в скалах и возвести столь грандиозное сооружение на пике горы, потребовались немыслимые средства. А сколько жизней простых людей было положено на этом алтаре тщеславия? Полагаю, в землях Хойчжоу не осталось ни одного взрослого мужчины, которого не согнали бы на эти принудительные работы.

Но дело было не только в этом. Храм Яогуан не просто высасывал соки из народа; в его прошлой жизни, когда строительство завершилось, Четвёртый принц сумел обернуть это в свою пользу. Император, тронутый «сыновней почтительностью» сына, даже помышлял о том, чтобы лишить Наследного принца статуса и передать его Четвёртому. Тогда лишь отчаянное сопротивление министров, дошедшее до того, что старцы разбивали головы о драконьи колонны в Золотом зале, заставило государя временно отступить.

Двое тогда погибли на месте, а третьего, чьи силы иссякли от старости, вынесли без чувств.

История с храмом Яогуан нанесла сокрушительный удар по фракции Наследного принца, вынудив их уйти в тень и молча сносить безумные указы императора. Если бы не внезапное вторжение тюрков и смерть старого императора от страха, ещё неизвестно, кто бы в итоге взошёл на престол.

— В Хойчжоу расквартированы десятки тысяч солдат, и у меня нет возможности вмешаться в их дела, — после долгого молчания произнёс Наследный принц.

Он не верил, что Жун Цунцзинь способен дотянуться до вотчины Четвёртого принца. Хойчжоу был последним козырем его брата, и даже сам Наследник не мог легко пойти против этой силы.

— Заметило ли Ваше Высочество, что в этом месяце в Ванцзине стоит засуха, в то время как на юге дожди льют не переставая?

— Летом часто бывают дожди, южный климат благоволит земледелию, — кивнул принц.

— «Когда вокруг луны венец — жди ветра, когда камни фундамента мокнут — жди дождя». Если ливни продолжатся, боюсь, плотины на реке Цзючжоу не выдержат, — Жун Цунцзинь посмотрел принцу прямо в глаза. — Ичжоу граничит с Хойчжоу, но Хойчжоу расположен в низине. Неужели Ваше Высочество полагает, что беда обойдёт их стороной?

Наследный принц нахмурился, задумчиво постукивая указательным пальцем по столу.

— Откуда у тебя такие сведения?

— Мне не нужно выходить из дома, чтобы видеть движение звёзд и фазы луны, к тому же я внимательно изучал «Канон вод», — Жун Цунцзинь опустил веки. — Я бы и сам хотел ошибиться, чтобы избавить народ Ичжоу от ужасов наводнения.

Однако Наследный принц мыслил шире. Стихийное бедствие, если направить его в нужное русло, могло стать «небесным знамением», обличающим порочность строительства храма Яогуан. Если слова Жун Цунцзиня подтвердятся, он сможет не только выйти из тупика, но и нанести Четвёртому принцу смертельный удар.

Это была весть, способная переломить ход всей игры.

— Почему ты помогаешь мне? — в тёмных глазах Наследника невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Жун Цунцзинь слегка повернул голову. Там, за ширмой, Гу Чжао сидел на изящной кушетке из сандалового дерева, украшенной резьбой. Он был полностью поглощён своим занятием: сосредоточенно выстраивал башенку из трёх грецких орехов, а затем пытался сбить её метким щелчком каштана. Когда каштан, прокрутившись, обрушивал конструкцию, Гу Чжао издавал радостный возглас и принимался строить новую, ещё выше прежней.

Глядя на него, Жун Цунцзинь невольно улыбнулся. В этой улыбке сквозила такая нежность и умиротворение, что слова были излишни.

— Я помогаю не Вашему Высочеству, — тихо ответил он, вновь поворачиваясь к принцу. — Я помогаю себе.

— Гу Чжао — ваш родной брат. И я больше, чем кто-либо другой, желаю вам благополучия и прочного положения на троне.

— У государя высокие стремления, и я готов стать его опорой. Приняв на себя обязанности вашего слуги, я буду предан вам до последнего вздоха, — Жун Цунцзинь склонился в глубоком поклоне.

— С твоим умом ты давно должен был понять, что поместье маркиза Динъюань в Ванцзине одиноко и нуждается в союзниках. Почему же, пока ты жил в родительском доме, ты ни разу не выказал желаний примкнуть ко мне? — Наследный принц долго смотрел на него, и на его губах заиграла тень улыбки, в которой, впрочем, не было тепла.

— Я полагал, что если придёт беда, то мы встретим её всей семьёй, и этого будет достаточно, — Жун Цунцзинь опустил взгляд. Император давно питал подозрения к заслуженным полководцам, и разве можно было в одиночку изменить волю небес? Он предпочитал не тратить силы на тщетную борьбу, желая лишь оставаться рядом с близкими до самого конца.

Но теперь всё изменилось ради Гу Чжао. Гу Чжао был так молод, так полон жизни... Жун Цунцзинь не мог допустить, чтобы на эту светлую улыбку легла тень, не мог позволить его жизни оборваться, едва начавшись.

Наследный принц негромко рассмеялся и вдруг спросил:

— Знаешь, почему я назначил твоего брата командиром в своём дворце?

Жун Цунцзинь молча покачал головой.

— В тот год, когда поместье Динъюань только перебралось в столицу, после весеннего пира твой брат представил императору благодарственное письмо. Это был настоящий шедевр — слог столь изящный и утончённый, что даже Таньхуа не смогли бы написать лучше. Я был так поражён его талантом, что во что бы то ни стало решил заполучить его к себе.

— Но когда я встретился с Жун И и испытал его, то понял: хоть он и читал книги, но в душе остаётся воином. Он не мог написать те строки. Очевидно, за его спиной стоял кто-то другой, кто водил его рукой.

Жун Цунцзинь замер, не зная, что ответить. Нынешний император устраивал пышные приёмы по несколько раз в месяц, не считая мелких празднеств и подношений. На каждое такое событие подданные должны были отвечать витиеватыми одами, прославляющими милость государя. Его отец и братья были солдатами — откуда им было взять время и красноречие для подобных изысков?

Он просто не мог видеть их мучений и писал за них. Это казалось ему сущим пустяком. Кто же знал, что именно так Жун И привлёк внимание Наследника.

— Я думал, ты лишь жаждешь славы и роскоши. Но сегодня я увидел того самого человека, которого хотел нанять ещё три года назад. Ты оказался именно таким, каким я тебя представлял. И вот, пройдя через тысячи преград, ты всё же стоишь передо мной — теперь уже как супруг моего брата, — в голосе принца послышались нотки светлой грусти.

Жун Цунцзинь промолчал. Если бы не чувства к Гу Чжао, он бы так и остался в своём тихом дворике, ведя неприметную жизнь, и Наследный принц никогда бы его не встретил.

У них не было общей судьбы, всё связывало лишь имя Гу Чжао. Но в этом они были едины: пока Гу Чжао рядом, Жун Цунцзинь будет самым верным сторонником Наследника.

— Ваше Высочество обладает великими амбициями и должен понимать: если позволить тюркам и дальше подтачивать силы армии Мобэй, это обернётся катастрофой, — Жун Цунцзинь сменил тему. — Одной лишь отправкой принцесс для заключения брачных союзов тюрков не умилоstitивить. Это не заставит их навеки забыть дорогу к нашим границам.

Наследный принц помрачнел и тяжело кивнул.

— Отец непреклонен в своём решении, и никто не смеет ему перечить. Приходится выжидать и искать иные пути.

— Я не допущу, чтобы генерал Гуйдэ вернулся с пустыми руками, — добавил он. Это было пределом того, что он мог сделать на своём посту. Четвёртый и Седьмой братья только и ждали его ошибки, а в этом году он и так уже не раз шёл наперекор воле отца.

— Я хотел бы просить Ваше Высочество об одном обещании.

— О каком? — спросил принц.

Жун Цунцзинь медленно поднял взгляд, глядя прямо в глаза Наследнику, и отчётливо произнёс каждое слово:

— Если мне удастся собрать двести тысяч лянов серебра, сможет ли Ваше Высочество изыскать оставшиеся триста тысяч? Чтобы в общей сложности пятьсот тысяч лянов были переданы армии Мобэй. Это решит их самые острые нужды в этом году.

— Триста тысяч — сумма немалая. Придётся вскрывать государственную казну, — принц не спешил с ответом. Он знал состояние казны: деньги были, но император предпочитал тратить их на роскошные дворцы, танцовщиц и пиры, а не на «невидимую» оборону северных рубежей.

Жун Цунцзинь продолжил:

— Пятьсот тысяч лянов чистого серебра. Триста тысяч воинов Мобэй будут благодарны до глубины души. Они должны знать, кто именно спас их от голода и гибели.

— И тогда у Наследного принца появится преданная, закалённая в боях элита.

Зрачки принца сузились. В его тёмных глазах вспыхнул острый, хищный блеск.

Армия Мобэй долгие годы сдерживала тюрков в бескрайних пустынях. Их мечи-модао омыты кровью, их верность не знает границ — это самая доблестная конница империи.

Тот, кто завладеет армией Мобэй, будет держать в руках половину Поднебесной.

— Я обещаю тебе, — твёрдо ответил Наследный принц.

Гу Чжао, наблюдавший за ними издали, решил, что брат не собирается гневаться. Хоть он и не понимал, о чём они толкуют с его супругом, он со спокойной душой вернулся к своим орехам.

— Цунцзинь... — увидев, что разговор окончен, Гу Чжао вскочил и высыпал на ладонь супруга очищенные ядра. — Это тебе. Ешь.

— Благодарю, Князь, — глаза Жун Цунцзиня на мгновение потеплели, наполнившись мягким светом.

Гу Чжао, заложив руки за спину, счастливо улыбался, глядя, как тот отправляет орехи в рот. Его невидимый хвост, казалось, неистово вилял от восторга. Между ними воцарилась такая атмосфера нежности, что любому третьему здесь просто не было места.

— А мне ты хоть раз чистил орехи? — с оттенком ревности спросил Наследный принц.

Чистка орехов была делом тонким, а Гу Чжао в этом никогда не отличался ловкостью. Из целой тарелки ему удалось извлечь лишь несколько целых ядер. Услышав вопрос, он с явной неохотой протянул брату горсть того, что осталось в левой руке.

Там была лишь крошка. Принц двумя пальцами выудил более-менее приличный кусочек, а остальное небрежно стряхнул на пол. Легкий ветерок мгновенно подхватил сор, не оставив и следа.

Глядя на целые, пухлые ядра в руках Жун Цунцзиня, Наследный принц почувствовал укол досады — словно младший брат окончательно от него отдалился.

— Раз Чжао-эр так полюбились те золотые орлы, оставьте их себе, — произнёс принц. — И передай Лю Чжигэ, чтобы он угомонился и перестал обивать пороги в Ванцзине.

Иначе, не успев найти поддержку, он угодит в тюрьму за неуважение к императорской власти. У Наследника и так хватало забот, чтобы ещё вызволять генерала из темницы.

— Слушаюсь, — Жун Цунцзинь невольно сжал пальцы. Золотые орлы прибыли в резиденцию только вчера, а Наследный принц уже всё знал.

— Твой нрав, пожалуй, слишком мягок, но в этом нет ничего дурного, — принц на мгновение замолчал. — В резиденции Жуй всего двое хозяев, вам не нужно столько слуг...

У Наследника было много врагов, но Гу Чжао, не стремящийся к власти, никого не заботил. Его супруг, по крайней мере внешне, казался таким же безобидным.

— Да, — кивнул Жун Цунцзинь.

— Ты можешь идти, я хочу сказать Гу Чжао пару слов наедине, — принц слегка повернул голову.

Жун Цунцзинь почтительно отступил на два шага и только тогда развернулся. Вернувшись в передний зал, он застал там Принцессу-консорт. Она всё так же мягко и приветливо беседовала с ним, безупречно исполняя роль хозяйки Восточного дворца.

Жун Цунцзинь видел: её доброта не была напускной, как его собственная покорность. Она была искренней и кроткой. В её обществе человек чувствовал себя легко, словно под дуновением весеннего ветерка. Вероятно, Наследный принц, измотанный интригами при дворе, ценил эти мгновения тишины рядом с ней.

В кабинете Гу Чжао послушно сидел перед старшим братом, положив руки на колени.

— Слушай меня внимательно, — принц долго разглядывал его. Заметив, что брат не только не похудел, но даже посвежел и выглядит весьма довольным жизнью, он удовлетворенно кивнул.

В Восточном дворце он не всегда мог уследить за всем, но если его супруг будет проявлять заботу, Гу Чжао будет в порядке.

Гу Чжао тут же напустил на себя вид предельного внимания, хотя его мысли уже улетели вслед за супругом. Его Цунцзинь впервые в Восточном дворце, вдруг он заблудится? Нужно скорее идти к нему!

Принц с бесстрастным лицом отвесил ему легкий подзатыльник.

— Ой! — вскрикнул Гу Чжао, хватаясь за голову.

— Сосредоточься, — принц подбирал слова. Поколебавшись, он понизил голос: — У вас с ним... уже было?..

— Ну... вы консуммировали брак? — с трудом выдавил он.

— Что? — Гу Чжао непонимающе уставился на брата.

— Ну, супружеский долг, ритуал Чжоу-гуна, — Наследник вздохнул. — Ты читал те книги, что я тебе давал?

— Я благородный муж, мне не положено смотреть на такие вещи! — Гу Чжао выпрямился и с жаром возразил: — Брат, тебе тоже не стоит их смотреть, а то сестрица рассердится!

Наследный принц: «...»

«Да я же их специально для тебя искал!»

— Понятно. Значит, твой супруг тебя игнорирует, — принц решил зайти с другой стороны. Он откинулся на спинку кресла и небрежно взял чашку чая.

— Вовсе нет! — Гу Чжао не выдержал и с глупой, восторженной улыбкой похвастался: — Он во всём меня слушается! Мы каждую ночь... по семьдесят раз!

— Довольно! — принц резко прервал его. На его красивом лице отразилось явное смущение. — Впредь не смей рассказывать о таком посторонним.

— Но ты же сам спросил? — обиженно пробормотал Гу Чжао.

Принц не ожидал такого отпора.

— Я лишь беспокоюсь, чтобы тебя не ввели в заблуждение.

Помолчав, он добавил:

— Ты ещё молод, старайся соблюдать умеренность.

На самом деле у него были свои причины. До встречи с Жун Цунцинем он считал его лишь честолюбивым юношей, жаждущим власти. Теперь же он увидел человека глубокого ума и железной воли. Такие люди не привыкли подчиняться, и брак с Гу Чжао, скорее всего, был для него лишь временным убежищем.

Но видя его нежность к Гу Чжао, в которой не было ни капли фальши, принц терялся в догадках. Отбросив лишние мысли, он искоса взглянул на брата:

— Раз уж вы муж и жена, стоит подумать о наследниках.

Гу Чжао смутился, а потом снова глупо заулыбался, явно пребывая в любовном томлении.

— Брат, не дави на него. Я уже ищу собаку.

Когда он найдёт подходящую собаку, то объявит её своим наследником!

Принц лишился дара речи. В императорском роду появится собака... Это уже за гранью биологии.

Наследник махнул рукой, прогоняя его. Гу Чжао, сияя от счастья, бросился к дверям, его полы одежды развевались на ходу.

— Вернись! — окликнул его принц.

Гу Чжао уныло поплёлся обратно. Принц стоял на ступенях галереи, лучи послеполуденного солнца золотили его высокую фигуру. Он положил руку на плечо брата и слегка сжал его.

— Если он будет тебя обижать... ты должен мне сказать...

— Цунцзинь меня никогда не обидит! — сердито выкрикнул Гу Чжао и пулей вылетел из двора.

Наследный принц остался стоять в одиночестве. В его глазах на миг промелькнула печаль. Ветер кружил лепестки по земле, свет, пробивающийся сквозь листву, дрожал в его зрачках, но эта мимолётная грусть быстро исчезла, сменившись тихим утешением.

***

Вернувшись в резиденцию и получив поддержку Наследника, Жун Цунцзинь немедленно взялся за дело. Первым делом он выставил вон целую толпу слуг и служанок, замеченных в шпионаже. Тех, кто похитрее, отправил в загородные поместья — без особого распоряжения им до конца жизни не видать Ванцзина. Си Чжи затерялась среди них, и никто не поинтересовался её судьбой.

Нескольких старых нянек, которые кичились тем, что растили Гу Чжао, Жун Цунцзинь без лишнего шума запер в павильоне Цинцзин за бамбуковой рощей, отправив их на «заслуженный отдых».

Эти старухи были самыми мерзкими. После свадьбы, во время их первой совместной трапезы, Гу Чжао с искренним изумлением признался: оказывается, рис «Яшмовый стебель» должен

быть горячим. Прежде няньки уверяли его, будто холодным он куда вкуснее.

Жун Цунцзинь тогда едва не задохнулся от гнева. Расспросив подробнее, он узнал, что из положенных принцу двенадцати блюд Гу Чжао видел от силы четыре, а суп — и вовсе один, и только в присутствии Наследника стол ломился от яств.

Гу Чжао хоть и был простодушен, но должен же он был понимать, сколько блюд полагается принцу. Жун Цунцзинь тогда спросил его: почему он не пожаловался Наследнику и не выгнал их?

— У моего поместья и так дурная слава, — философски ответил Гу Чжао. — Придут новые — будет то же самое. Эти хотя бы не пытались меня убить.

Жун Цунцзиню нечего было возразить. Гу Чжао, выросший в императорском дворце, выработал свои правила выживания.

Там, где не могли уследить императрица и Наследник, Гу Чжао приспособивался как мог. Но теперь, когда они были в своём доме, Жун Цунцзинь не позволит никому обкрадывать своего мужа.

На ключевые посты он расставил своих доверенных людей. Резиденция, прежде пребывавшая в хаосе и лени, преобразилась, наполнившись порядком и чистотой.

Гу Чжао не заметил перемен, пока его не поразил удар грома среди ясного неба.

— Я всё время была в доме и клянусь, никто не входил в спальню! — Би Тао в ужасе вытирала пот со лба. — Должно быть, я забыла закрыть крышку. Он не мог уйти далеко, я сейчас же его найду!

Этот «Чёрный генерал» был любимцем принца. Гу Чжао никому не позволял к нему прикасаться и даже кормил сам.

— Не нужно, — Жун Цунцзинь посмотрел в окно. На насесте под навесом отдыхала пара золотых орлов. У самки возле клюва ещё виднелся обломок тёмного, блестящего панциря. Почувствовав на себе взгляд, птица беспокойно расправила крылья и одним движением проглотила остатки «угощения».

У Жун Цунцзиня дрогнуло веко. Эти орлы были неразлучны. Хоть они ещё не признали хозяина, но пока самец был на привязи, самка не улетала далеко... что не мешало ей охотиться.

«Чёрный генерал» стал для неё лишь лёгкой закуской.

Когда Жун Цунцзинь поделился своими догадками, Гу Чжао замер, словно поражённый молнией. Спустя долгое время он дрожащим голосом переспросил:

— Чёрного генерала... больше нет?

— Я найду вам другого, — поспешил утешить его Жун Цунцзинь. — Он будет ещё сильнее и красивее.

— И его тоже съедят орлы? — печально спросил Гу Чжао.

Он точно помнил, что закрыл банку нефритовой крышкой. Эти орлы могли задрать оленя и сбросить его с небес на скалы — какая-то крышка для них не была преградой.

Жун Цунцзинь промолчал.

— Мы спрячем остальных сверчков в шкафу в кабинете, там они будут в безопасности.

Гу Чжао молча вышел во двор. Он подошёл к орлам и серьёзно сказал:

— Вы съели моего Чёрного генерала. Теперь вы не имеете права меня клевать.

Иначе Чёрный генерал не обретёт покоя.

Поняли ли его птицы — неизвестно. Самец продолжал дремать, игнорируя его. Но самка, которая была чуть меньше, склонила голову и долго смотрела на Гу Чжао своими золотыми глазами. Внезапно она расправила крылья и издала негромкий, почти миролюбивый клич.

Гу Чжао осторожно протянул руку и коснулся тыльной стороной ладони её перьев. Они были гладкими, как шёлк, и тёплыми. Под ними чувствовались стальные мышцы. Орлица покосилась на него, но не отстранилась. Самец приоткрыл один глаз и, убедившись, что подруга не возражает, снова уснул.

Словно в подтверждение слов Жун Цунцзиня, спустя несколько дней после визита к Наследнику небо затянуло тучами. Затяжные ливни, терзавшие юг, добрались до Ванцзина. Тяжёлые свинцовые облака низко нависли над городом, давя своей массой.

— Князь сегодня дома? — спросил Жун Цунцзинь, стоя на галерее. Ветер трепал полы его одежд.

— Дома, в кабинете, — почтительно ответила Би Тао.

Жун Цунцзинь кивнул.

— Присматривай за ним. Пусть в эти дни поменьше выходит.

— Кажется, на Ванцзин надвигается настоящая буря.

<http://bllate.org/book/13698/1585420>